

Исходя из того, что мы видели до сих пор, эта боковая комната столь сильно наполнена иньской энергией отчасти из-за формации «Забор воды и впадение в море», а отчасти потому, что здесь находятся Врата Смерти.

Впрочем, сейчас Врата Смерти сменились Вратами Жизни, а сама формация была разрушена этим лысым ослом самым простым и грубым способом. Однако иньская энергия в комнате вовсе не собиралась рассеиваться.

Утренний свет уже всю заливал окрестности, проникая в Усадьбу семьи Лю с востока. Из-за заграждающей стены перед этой боковой комнатой образовалась густая тень: конёк крыши оказался наполовину на свету, наполовину в темноте, словно на стыке света и тьмы.

— Эх...

Сюэ Сянь поднял голову и посмотрел на Цзян Шинина:

— С чего это ты вдруг вздыхаешь? Это ведь не тебя заперли в формации.

Цзян Шинин сделал невинное лицо:

— Я не вздыхал. Разве это не ты только что издал такой звук?

Сюэ Сянь отрезал категорично:

— Конечно, нет! Я никогда не вздыхаю, это же так уныло.

Цзян Шинин: «...»

Сюэ Сянь: «...»

Оба внезапно замолчали, переглянулись, а затем медленно перевели взгляды на лицо Сюань Миня.

— Эх...

Снова раздался едва слышный вздох, но Сюань Минь даже не открыл рта. Даже если бы он это сделал, никто из них больше не подумал бы, что вздохнул он. На этот раз вздох был затянутым, с дрожащим окончанием, слабым и хриплым — сразу было ясно, что это голос пожилого человека, и Сюань Минь никак не мог его издать.

— Похоже на старушку, — предположил Сюэ Сянь.

— А вы не чувствуете, что это даже не совсем вздох? — Цзян Шинин начал жестикулировать. — Скорее, будто кто-то очень устал... Пожилые люди со слабым здоровьем, когда проходят долгий путь или несут тяжесть, начинают тяжело дышать, и у них вырывается такой звук. Похоже на вздох, но всё же немного другое.

Он немного подумал и добавил:

— Звук пустой, слабый, безжизненный. Это человек, страдающий недугом.

— Ты по одному лишь дрожащему вздоху смог столько понять? — Сюэ Сянь посмотрел на него с недоверием.

Цзян Шинин отмахнулся:

— Если бы мои родители были живы, они смогли бы понять ещё больше.

Сюэ Сянь пробормотал нечто вроде «мгм», не став продолжать, но в голове его завертелись мысли. Старушка? Тяжело дышит? Да еще и больна? Его слова звучали весьма правдоподобно.

В голове Сюэ Сяня внезапно возник образ одного человека. Он поднял свою бумажную лапу и принялся хлопать ею по Сюань Миню. Боясь, что силы не хватит, он ещё и закричал:

— Лысый, смотри на меня!

Сюань Минь опустил голову.

Сюэ Сянь, задрал лицо, уставился на него: «...»

Спустя мгновение Сюэ Сянь, сдержавшись изо всех сил, махнул рукой:

— Ладно, забудь, не смотри. Убери свои зрачки подав.

Сюань Минь: «...» Он впервые слышал, чтобы зрачки можно было «убрать». Этот негодник был до невозможности неразумным.

На самом деле, он не знал, что Сюэ Сянь в первой половине жизни привык к вседозволенности: если хотел взлететь в небо, то взлетал. Он привык смотреть на всех свысока, и никто никогда не смотрел на него так сверху вниз. Раньше, когда Сюань Минь иногда бросал на него мимолетный взгляд, это было ещё терпимо, но вот такой прямой, пристальный взгляд сверху вниз... Сюэ Сянь действительно не мог этого вынести.

Драконы тоже знают, что такое гордость.

Сюэ Сянь, может, и не был приверженцем особых правил, но в такие моменты он проявлял особую щепетильность. Однако Сюань Минь не исполнил его желания и не отвел взгляд. Напротив, словно назло, он продолжал смотреть на него тяжелым взглядом.

«Действительно, не человек...» — сердито подумал Сюэ Сянь.

Он одарил Сюань Миня полным презрения взглядом своей «мертвой» физиономии, а затем отвернулся, повернувшись к нему затылком:

— Я хотел сказать о той госпоже Лю... Ты когда-нибудь слышал о методе защиты дома, который практикуют только настоящие животные? Я слышал об этом в народе: мол, если в доме умирает старик, его замуровывают под фундамент, чтобы обеспечить потомкам вечное процветание.

Каким же нужно быть внуком, чтобы придумать такую подлость?

— ... — Цзян Шинин, будучи ученым, чувствовал, что все те годы, что он изучал мораль и стыд, были растоптаны.

— Слышал, — ответил Сюань Минь низким голосом. — Этот метод называется «Воздвижение иньского фундамента». Душа усопшего, запертая под домом, становится духом-хранителем. Если совместить это с фэн-шуй, эффект будет значительным.

В этот момент снова раздался дрожащий вздох.

Если предыдущие два звучали едва уловимо, то этот был отчетливым — настолько, что можно было определить направление.

Сюань Минь окинул взглядом угол стены справа и направился туда.

На полу было разбросано слишком много бумажных слитков, они скрывали большую часть поверхности, поэтому они раньше не замечали, что под ними может скрываться некая тайна. Сюань Минь присел в углу. Отсюда как раз был виден тот деревянный шкаф, расположенный прямо напротив трех медных гвоздей и желтой талисмана.

Сюань Минь смахнул слитки, согнул указательный палец и дважды постучал по полу.

Тук-тук.

Звук был неестественно пустым — сразу стало ясно, что плита держится на весу.

— Пусто! — почти одновременно воскликнули Сюэ Сянь и Цзян Шинин.

Сюань Минь осмотрелся и вдоль стены нашел щель. Проследив за ней, он обнаружил еще четыре узких зазора, образующих квадратную каменную плиту размером примерно в четыре ладони.

— Эта щель... — Цзян Шинин попробовал просунуть палец. — В любом случае, пальцы туда точно не пролезут.

Зазоры по краям были крайне узкими, а раз палец не пролезает, значит, поддеть плиту невозможно. Если ее не сдвинуть, то скрытого внизу не увидишь.

Сюэ Сянь посмотрел на призрачно-бледные когти Цзян Шинина, затем на тощие и белые ладони Сюань Миня, и, наконец, неохотно произнес:

— Ладно, в эту щель смогу пролезть только я. Я снизойду до того, чтобы проскользнуть внутрь и подтолкнуть вам изнутри.

«Снизойду...»

Цзян Шинин счел, что этот уникум подбирает слова невероятно бесстыдным образом.

Сказав это, Сюэ Сянь с важным видом размял шею и вылез из потайного кармана Сюань Миня. Тот не стал мешать «негоднику», позволяя ему перекатываться и цепляться, пока он пробирался к щели. Пока Сюэ Сянь выбирался, Сюань Минь достал из кармана тканевый сверток. Развернув внешний слой, он показал внутренний: там в ряд, от длинных до коротких, были воткнуты серебряные иглы. Самые длинные достигали длины от запястья до основания пальцев, самые короткие — всего две фаланги.

На кончике каждой иглы, казалось, была выгравирована вязь, но она была настолько мелкой, что трудно было что-то разобрать. Цзян Шинин рядом видел лишь общие очертания и не решался подойти ближе.

Сюань Минь выбрал одну из игл, чуть толще остальных, а остальное убрал обратно.

Сюэ Сянь был в самом разгаре работы: он как раз с трудом пробрался к щели и собирался соскользнуть вниз, как вдруг сверху опустилась рука, схватила его за голову и потянула обратно.

Ему даже смотреть не нужно было — он прекрасно знал, чья это рука!

Сюэ Сянь:

— Лысый, за такие дела тебе воздастся по заслугам!

Сюань Минь невозмутимо ответил:

— Буду ждать.

Сказав это, он вернул Сюэ Сяня, который напрасно суетился, обратно в карман, вставил иглу в щель и, надавив на другой конец, резко поддел плиту.

Раздался глухой звук трущегося камня, и игла, казавшаяся хрупкой, действительно приподняла край плиты. Сюань Минь ухватился за поднятый край и целиком откинул камень.

В тот же миг наружу вырвался поток криков и воплей — полных обиды, пронзительных, подобных гигантской приливной волне.

Сюэ Сянь почувствовал удар такой силы, словно в грудь врезалось что-то тяжелое. Он совершенно перестал понимать, где верх, а где низ. К счастью, он был лишь бумажной куклой, иначе его внутренности точно вылетели бы наружу.

В уши ударили нестройный крик Цзян Шинина и глухой стон Сюань Миня. Когда он пришел в себя, Цзян Шинин уже откатился к стене и с тихим звуком принял свой истинный облик — стал тонким, безжизненным листком бумаги, лежащим на полу.

Сюань Минь тоже прижал руку к груди и несколько раз сильно закашлялся, прежде чем постепенно прийти в себя.

— Что это за дрянь? — Сюэ Сянь окончательно обессилел и просто повис на краю кармана.

Он слабо поднял голову и посмотрел в квадратную дыру. Там, в желтой земле, виднелась наполовину скрытая железная цепь, обмотанная желтым бумажным талисманом. Самое странное было то, что цепь двигалась сама по себе, описывая круг.

Сюань Минь нахмурился, глядя на влажную землю, а затем поднял голову и начал осматривать комнату. Сюэ Сянь в недоумении наблюдал, как он встал, подошел к столу, нашел полуоблезлую кисть и, вернувшись к яме, начал счищать ею землю.

«...» Сюэ Сянь был поражен этим лысым: «Какая неженка, пальцы что ли сгниют, если коснутся земли?!»

Земля была быстро сметена, открывая скрытое под ней.

— Это что... жернов? — неуверенно спросил Сюэ Сянь.

Судя по виду, это был круглый каменный блок с отверстием в центре, основанием снизу и рукояткой сбоку — несомненно, жернов. Однако он был крошечным, едва ли больше ладони. На поверхности были выгравированы сложные руны. Один конец цепи был привязан к подставке жернова, а другой — закреплен на рукоятке.

Без смягчающего слоя земли цепь терлась прямо о камень, издавая тихий звук «ш-ш-ш». При каждом движении рукоятка поворачивалась — казалось, будто у пустого жернова заперт невидимый человек, который день и ночь его крутит.

— Госпожа Лю? — машинально позвал Сюэ Сянь.

— Эх...

Тот же измученный вздох раздался снова.

У Сюэ Сяня от этого звука по коже пошли мурашки. Конечно, у бумажной куклы не может быть мурашек, и напуган он не был. Но сама мысль, что кто-то запер собственную мать под полом дома ради своего процветания, вызывала глубокое отвращение.

Такого сына лучше было бы и не растить!

Сюань Минь вытащил крошечный жернов из ямы, положил его на пол, сорвал с цепи желтый талисман и тут же сжег его дотла.

Когда талисман горел, Сюэ Сянь, висящий на поясе, ощутил странную вибрацию, словно кто-то постукивал маленьким молоточком по костям. В общем, приятного было мало.

Этот жернов пролежал под землей как минимум три года, впитав в себя множество негативных энергий. Теперь, когда талисман был уничтожен, энергия высвобождалась, и это было нормально. Но если ему, полуживой бумаге, было не по себе, то лысому, сжигающему талисман, должно быть ещё хуже.

Сюэ Сянь покосился на Сюань Миня, но тот оставался невозмутимым, с таким холодным лицом, словно занимался чем-то совершенно обыденным.

Он вдруг подумал, что этот лысый чем-то отличается от других монахов, которых он встречал, хотя не мог объяснить, чем именно.

Наверное... он просто ужасно раздражающий!

Пока Сюэ Сянь размышлял, Сюань Минь уже дожег талисман. Когда последние искры пепла упали на пол, железная цепь, державшаяся на жернове, с хрустом лопнула и упала.

Призрачный силуэт, державшийся за рукоятку, стал четче. Словно сухая ветка, съежившаяся на земле, он начал раздуваться прямо на глазах у Сюэ Сяня и Сюань Миня, превращаясь в сгорбленную старушку.

Волосы у нее были белыми и редкими, собранными в маленький пучок. Лицо было изрезано глубокими морщинами, а глаза — мутными, словно в них вечно стояли слезы.

Даже по виду можно было узнать в ней черты госпожи Лю, но по сравнению с призрачным образом из формации, эта старушка выглядела ещё более дряхлой, словно была готова в любую секунду закрыть глаза и рухнуть на землю.

Без посоха её скрюченная фигура казалась уродливой: левая сторона тела была сильно перекошена, и она держалась только благодаря рукоятке жернова.

— Какое злодейство... — пробормотал Сюэ Сянь.

Он был существом, рожденным природой, без отца и матери, и не понимал до конца ценности кровных уз. Но за полгода скитаний среди людей он усвоил основы человеческих отношений. Этот советник Лю поразил его до глубины души — насколько же нужно ненавидеть собственную мать, чтобы сотворить такое.

Сюань Минь, услышав его, бросил на него взгляд, отчего Сюэ Сянь почувствовал досаду. Он задрал подбородок, глядя в ответ, но в его «весе» явно чего-то не хватало.

Этот предок, закатив глаза, придумал новый план — забраться на голову!

Его характер был порывистым: недолго думая, он протянул свои лапы и вцепился в рясу Сюань Миня. Раз получилось в первый раз, значит, получится и во второй — он залез на грудь быстрее, чем в прошлый раз.

И как раз когда он разжал одну лапу, намереваясь лезть выше, у входа в комнату раздался отчаянный вопль.

— А-а-а! Не трогайте меня! Спасите! Помогите!

Голос был настолько пронзительным, будто человек увидел призрака. Сюэ Сянь от неожиданности дернулся, лапа соскользнула, и он плавно спланировал вниз, приземлившись в

весьма некрасивой позе — лицом в пол.

Потеряв лицо, Сюэ Сянь не хотел больше показываться: он замер, не двигаясь, будто упал замертво.

Сюань Минь проигнорировал крики снаружи, присел и, глядя на притворившуюся мертвой бумажную куклу, равнодушно произнес:

— Не встанешь?

Сюэ Сянь продолжал притворяться мертвым.

Сюань Минь постучал кончиком пальца по его плоскому затылку:

— Тогда сожгу.

Сказав это, он действительно чиркнул огнивом. Маленькое пламя обжигало бумагу.

— ... — Сюэ Сянь проворчал: — Ты что, все милосердие Будды скормил собакам?

Сюань Минь на мгновение замер, словно о чем-то вспомнив. Выражение его лица смягчилось, но он покачал головой, стряхнул пламя, взял бумажную куклу за ногу и, низким голосом спросил:

— Еще полезешь?

Сюэ Сянь, вероятно, все еще чувствуя стыд, закрыл лицо лапами. Но даже в таком положении он не забыл огрызнуться:

— Полезу на твоего дедушку!

Едва негодника убрали в карман, как из внутренней комнаты слышались неуверенные шаги.

Сюэ Сянь выглянул и увидел, что глупый Лю Чунь стоит в оцепенении. Видимо, он только что выбрался из формации — его синее одеяние было порвано, всюду торчала вата.

Он горько поморщился, глаза его покраснели. Он открыл рот, словно хотел что-то сказать Сюань Миню, но тут его взгляд упал на старушку, опирающуюся на жернов, и он застыл.

— Ба... бабушка? — нерешительно позвал Лю Чунь. Неизвестно, что он пережил в формации,

но он непроизвольно вздрогнул и не решился подойти.

Старушка подняла свои безжизненные глаза и посмотрела на него. По ее щекам покатились слезы. Она вздохнула и, поманив его рукой, произнесла:

— Чун-эр, почему твоя одежда так порвана...

Услышав этот тон, Лю Чунь мгновенно забыл обо всем, что пережил, и с заплаканными глазами бросился к ней, опускаясь на колени:

— Бабушка, почему ты стала такой маленькой... Я... я не могу тебя ухватить.

Старушка от долгого пребывания в жернове уменьшилась вдвое, выглядя жалко. Она улыбнулась, скривив губы:

— Бабушка стара, постарела — значит, сжалась. Не можешь ухватить, так и не надо...

— Бабушка, почему... почему ты никогда не приходила ко мне? Я делал столько слитков, разве не говорили, что если написать имя и сжечь, то ты их получишь? Я... я каждый день делал, каждый день жег, но никто не приходил. Почему ты ни разу, ни разу не пришла? Я так хотел услышать твой голос, сам хотел тебе рассказать... но тебя не было, и я даже забыл, что хотел сказать...

Лю Чунь умом был как ребенок, и, увидев бабушку, о которой так мечтал, начал рыдать навзрыд, не сдерживаясь, как взрослый мужчина. Он будто хотел выплеснуть всё, что накопил за три года.

— Бабушка слышит, Чун-эр. Бабушка все знает, — старушка вытерла слезы. — Я... я день и ночь смотрела на тебя...

Пока они плакали, в комнату ворвался сумасшедший:

— Спасите! Помогите! Не трогайте меня! Не подходите!

Человек был в лохмотьях, с растрепанными волосами, весь в грязи.

Сюэ Сянь присмотрелся:

— Это не советник Лю?

Похоже, Лю Чуню еще повезло. Советник Лю, судя по всему, был напуган до смерти в

формации и, наплевав на то, что не хотел входить в эту комнату, ворвался сюда.

Сюань Минь, увидев его грязь, нахмурился и отошел в сторону. Советник Лю, не встретив сопротивления, врезался в Лю Чуня и повалился на пол.

И в этот момент он оказался лицом к лицу с госпожой Лю.

Советник Лю от неожиданности оцепенел. Его тело одеревенело, глаза расширились — он от страха забыл, как дышать.

Когда творишь слишком много зла, однажды настанет день, когда побоишься взглянуть даже на родную мать. Его жалкий вид рядом с плачущим Лю Чунем выглядел насмешкой судьбы.

Госпожа Лю вытерла слезы, глядя на советника Лю. Рыдания стихли. В ее мутных глазах сквозила глубокая скорбь.

— Чего ты дрожишь? — спросила она. — Неужели боишься, что родная мать пришла за твоей душой?

Советник Лю невольно покачал головой. Лицо его было бледным, губы дрожали, и он забормотал:

— Сын только... только...

Он захлебнулся словами. Сделав два тяжелых вдоха, он пополз на коленях и начал отчаянно бить поклоны перед госпожой Лю:

— Сын поверил в ложь колдуна, по глупости совершил грех, я — неблагодарный сын!

Слезы и сопли текли по его лицу, лоб в кровь разбивался о землю, и он больше не мог вымолвить ни слова.

— Что ж ты раньше думал? — Сюэ Сянь с отвращением смотрел на его сгорбленную спину. У него был прямой характер, и он терпеть не мог людей, которые пытаются выгородить себя. Неблагодарность есть неблагодарность, эгоизм и злоба — есть злоба, а сваливать все на колдуна просто бесстыдно. Такие байки могут сработать только на родной матери.

Госпожа Лю не произнесла ни слова, молча глядя на сына. Всякий, кто увидит собственного ребенка в таком состоянии, не сможет остаться спокойным.